

К ВОПРОСУ О ГЕРМЕНЕВТИКЕ ТЕРМИНОВ «ОЗНАЧАЕМОЕ» И «ОЗНАЧАЮЩЕЕ»

Герменевтика терминов «означающее» и «означающее» связана с философско-культурологическим аспектом науки о языке. В соссюровской семиологии «означающее» и «означающее» образуют знак, который способен замещать любой другой объект. Деконструкция идеи знака приводит к разрыву отношений оппозиций означающего и означающего, к «скольжению» смысла в метафизическом дискурсе и, в конечном счете, к кардинальным изменениям представлений о самом знаке.

Ключевые слова: означающее, означающее, философская герменевтика, деконструкция знака, структурный метод, редуционизм, компаративистика, текст.

Провозглашение лингвистического редуционизма, признавшего структурализм методом анализа в науке и искусстве, объясняет вовлечение терминов «означающее» и «означающее» в философско-культурологический обиход. Предметная полисемия их значений у различных авторов едва ли не один из главных и явных случаев терминологической энтропии в философско-культурологических текстах. Компаративистика терминов «означающее» и «означающее» подсказывает возможности ее решения.

Семиотические понятия и термины постмодернистской философии своими корнями уходят глубоко в прошлое. Однако принципиальная их разработка связана с соссюровской концепцией знака. В своих истоках современная семиотика основывается на лингвистической модели Соссюра, которая определяет знак как двоичное образование, состоящее из «означающего» и «означающего» [13, с. 68]. Под первым понимается форма, которую может принимать знак, под вторым – концепт, который этот знак представляет [там же, с. 110].

Таким образом, знак, по Соссюру, это образование некоего целостного конструкта, выступающего результатом связи означающего с означаемым. Отношения эти упомянуты им как «значение» знака. Следовательно, знак мыслится и как своеобразная «комбинация» [там же, с. 67] означающего с означаемым, которая приобретает статус слова. В слове соединяются два аспекта: значение (сигнифицируемое, обозначающее) и звуковой образ (сигнификатор). По мнению Поля Кюглера, знак, по Соссюру, «состоит из фонетического рисунка и семантической состав-

ляющей» и может быть выражен формулой:

$$\langle \dots \text{знак} = \frac{\text{Звук-образ}}{\text{Значение-понятие}} \rangle \text{ [10, с. 68].}$$

Различая язык и речь, Соссюр не сводит означающее и означающее к конкретным субстанциям. Письмо для него, как знаковая система по отношению к «звуковому образу», – вторично. Звуковой образ – это не звук в физическом ощущении. Звуковой образ – это психологическое ощущение того, кто произносит слово. Поэтому знак может быть заполнен самым разным чувственным опытом, самыми разными концептами. Согласно модели Соссюра, отношение между «звуковым образом» (фонетическим паттерном) и «значением» (семантическим аспектом) существует «произвольно» [13, с. 68]. Понятийное значение не имеет внутренней связи с фонетическим паттерном, поэтому смысл понятия в слове может быть передан любым и разным «звуковым образом».

Если слэш и оппозиция в соссюровской диаграмме знака, с одной стороны, внешне противопоставляют означающее и означающее друг другу, а с другой стороны, автор отмечает их «неотделимость» и «глубокую связность» в сознании, то очевидность критики постструктуралистами размывания границ внутри знака была изначально предопределена. Однако слэш в своей диаграмме Соссюр использует с целью обозначения взаимодействия означающего и означающего, но не их разделения. Взаимозависимость и одновременность, даже при демаркационной линии в диаграмме знака, подчеркивает неотделимость означающего и означающего. Языковой факт, по Соссюру, присутствует одновременно «и в бесконечном плане смут-

ных идей (А)», и в «определенном плане звуков (В)...» [там же, с. 109].

Если отношение означающего к означаемому есть функция знака, то взаимная дифференциация означающего и означаемого содержит в себе, по Луи Ельмслеву, выражение и содержание. «План выражения» и «план содержания» [6, с. 71], считал он, – являются «основой структуры любого языка» [там же, с. 70]. Глоссематика копенгагенской ветви структурализма рассматривала речевую деятельность в качестве двух основных функций языка: функции общения и поэтической функции. В функции общения речевая деятельность направлялась на означаемое, речевая деятельность поэтической функции – на знак¹.

Таким образом, «означающее» и «означающее» Соссюра соответствует «плану содержания» и «плану выражения» Луи Ельмслева. Структуралисты обеих традиций в семиотике использовали язык как модель в своих изысканиях в чрезвычайно обширном круге социальных явлений. Это обстоятельство также отразилось на количестве и качестве определений и терминов, которыми они пользовались.

Так Леви-Стросс, признав структурную методологию Соссюра, создает собственный антропологический структурализм, утверждая, что с помощью фонологии можно проследить переход от сознательного к «бессознательным инфраструктурам». Анализируя системы родства, он писал: «...бессознательная умственная деятельность состоит в наделении содержания формой. Эти формы в основном одинаковы для всех типов мышления, древнего и современного. Это блестяще раскрывается при исследовании символической функции ...как она представлена в языке» [11, с. 28].

Соссюровские знаковые постулаты в рамках отношений означаемого и означающего перекликаются с его бинарной оппозицией «Я - другой». Леви-Стросс выдвигает идею, что функцией бессознательной психики является существование контрастных пар, психодинамика которых стремится к разрешению. На социальном уровне у первобыт-

ных народов разрешение эндопсихической антитезы «Я - другой» происходило, по его мнению, через обмен женщинами, что доказывает структуру родства в «одновременном существовании» его «синхронического и диахронического измерения» [11, с. 48].

Соотношение «знака» с «не знаком», по мнению Э. Бенвениста, предполагает наличие «третьего предмета», «реальности», т.е. материального референта знака, при котором язык «выступает как интерпретант общества» [4, с. 79]. Язык, по Бенвенисту, имеет свойство двойного означивания. Первое означивание происходит со знаком внутри знаков и связано с семиотикой, которая должна быть «узнана». Второе – связано с речью, с референтной зоной [там же, с. 68]. В этом проявляется метаязыковая способность высказывать «означающее о самом означивании» [там же, с. 89].

Конститутивная черта знака вырастает из его двоякости, где «с одной стороны *signas* (означающее), с другой *signatum* (означаемое)» [14, с. 41]. Именно знак, «как основное средство культуры», как «материальный объект (артефакт)», выступает как «символ, художественный образ, культурный код» в семиотике [9, с. 125].

Однако «чувственный» и «умопостигаемый» аспекты знака, как отношение означающего и означаемого, постструктуралист Жак Деррида рассматривает уже не в русле одномоментности их существования. Он полагает, что знак и обозначаемое им явление разделены во времени. За счет подобной нестыковки, временного разрыва знак у Ж. Деррида превращается в «след» обозначаемого явления, а понятия - приводят смысл к «скольжению». Означаемое у него является следом и «всегда находится в положении означающего...» [5, с. 203]. К «скольжению» знак приводит деконструкция, т.е. «разрыв с симметрией», в поле притяжения которой находятся все оппозиции в метафизике, в т.ч. и знак, по Соссюру. Деконструируя, т.е. разрывая сцепление, оппозицию означаемого и означающего, знак, считает Деррида, теряет смысл, который начинает «скользить». Другими словами, знак как конструкт отношений означаемого и оз-

¹ См. подробнее: Алпатов В.М. История лингвистических учений. М., 1998. – С. 178-192.

начающего теряет связь с обозначаемым, характеризуя не столько присутствие обозначаемого, сколько его отсутствие, а в конечном счете и собственную похожесть. Знак начинает существовать в процессе бесконечного обмена знаков.

Трансформируя пересмотренное Клодом Леви-Строссом фрейдовское понимание бессознательного, об означаемом и означающем говорил и Ж. Лакан. Он утверждал, что структура бессознательного сходна со структурой языка. Лакановская психоаналитика более точна к «другому», замещая его словом «бессознательное». Для Лакана «означаемое» «сопряжено с воображаемым значением речевой диахронии» [12, с. 91] (исторической перспективы). Означающее располагается в «плане символической синхронии» [там же, с. 91]. Коль скоро означающее, по Лакану, – символ, а символ есть «бессознательное», которое «главенствует над означаемым» [там же, с. 91], то субъект означающего определяется именно означающим, по отношению к которому субъект вторичен. Субъект Лакана манифестируется бессознательным. В его теории означающее подается «плавающим», «скользящим» в виде «схемы означающей цепочки» [7, с. 7]. Феномен скольжения означаемого делает субъекта децентрированным, что с точки зрения практикующего врача-психоаналитика делало возможным изучать язык как форму отдельно от содержания. Речевой поток при пониженном уровне сознания тех же невротиков у Лакана предъявлял языковой сдвиг от смысловых установок к фонетическим, и личность вынужденно обращалась к психическому, архетипическому тезаурусу. Таким образом, Ж. Лакан разрывает означаемое и означающее в модели Соссюра, исследуя речь на уровне означающего, как «голоса Другого», совпадающего со структурой бессознательного.

«Означаемое» Р. Барта существует в терминологии Луи Ельмслева, как «план выражения коннотативной системы» [1, с. 157], под которой понимается «знаковая система»

в целом. Выделяя в языке «коннотативные означаемые», он связывает их с идеологией, говоря о «всеобъемлющем, глобальном и расплывчатом характере» последних [Там же, с.159].

Известно, что под денотативным значением слова принято считать не сам предмет означивания, а совокупность свойств целого класса предметов, с которым четко ассоциируется собирательный образ подобного предмета. Барт убеждает в необходимости размывания границ между денотацией и коннотацией в связи с тем, что означаемое в знаке, по его мнению, само является знаком. Таким образом, «означаемое», по Соссюру, «план выражения», по Л.Ельмслеvu, «скользящее означаемое», по Ж.Лакану – Р.Барт заменяет означаемым равным «знаковой системе». Коль скоро означаемое по его мнению само есть знаковая система, то подобный феномен коннотативного означаемого предполагает помимо основного смысла и любой имплицитный смысл в характеристике денотата. Отказывая Автору в авторстве, говоря о литературе как о «письме» [2, с.389-390], Барт сводит означающее к «удовольствию от текста» [3, с.517], а «означивание» к смыслу (*le sens*), порожденному «чувственной практикой (*sensuellement*)» [Там же, с.513].

Предложенный Ю.Кристовой термин «означивание» как «специфический способ литературной практики» [8, с.37], уже по-другому высветил и термины «означаемое» и «означающее». Семанализ Юлии Кристовой совместил в означающем «звуковой отпечаток» Фердинанда де Соссюра и смысл Жака Лакана [Там же, с.34].

Тенденция лингвистического редуционизма, т.е. сведение всей культуры к системе знаков, подтвердило признание структурализма как метода. С его помощью пытались соотносить феноменологию и экзистенциализм², рассматривать роль бессознательного в теоретической этнологии³, рассуждать о логике «смысла-бытия»⁴ за пределами трансцендентализма, анализировать меж-

²См.: Фуко М. Слова и вещи: Археология гуманитарных наук / Пер. с фр. и вступ. ст. Н.С. Автономовой. М.: Прогресс, 1977. С. 291-328.

³См.: Леви-Стросс К. Структурная антропология / Пер. с фр. ред. Вяч.Вс.Иванова, М., 1985, С. 146-164, 249-250.

⁴См.: Делез Жиль. Логика смысла / Пер. с фр. – Фуко М. Екатеринбург: «Деловая книга», 1998. С. 49-57.

личностные отношения в структурном психоанализе⁵ и т.д.

Сращение психоанализа с философско-лингвистическим структурализмом породило эклектику методов и подходов междисциплинарных исследований. Новые термины, появившиеся в постмодернистской философии, становятся базовыми понятиями. «Означивание» Ю. Кристевой как движение, как процесс в сфере «означающего» заняло прочное место в Новейшем философском словаре. И хотя идея «смыслопорождения» некоего умозрительного процессуального феномена, обозначенного как «означивание», высказывалась задолго до нее, важнее подчеркнуть не авторство термина, а его достоинство, которое опять-таки связано с означаемым и означающим в сосюрвской модели.

Опуская дальнейшую «мозаику цитаций» [8, с.167] из произведений упомянутых и неупомянутых авторов, в чье творчество в той или иной мере вовлечены термины «означающее» и «означающее», – отметим простую мысль: каждый из авторов полагает свою научную эпистему универсальной. Это вынужденно ориентирует исследователя на необходимость терминологического информативирования. Философско-культурологический аспект полисемии значений означающего и означающего делает здесь компаративистику единственно оправданной. В противном случае без предварительного анализа авторской природы смысла в терминах «исчезает», «растворяется» само означающее, а с ним и его объект – означающее.

⁵См.: Лакан Ж. Семинары «Я» в теории Фрейда и в технике психоанализа / Пер. с фр. А. Черноглазова. Кн. 2. М.: Издательство «Логос», 1999. – 520 с.

Список использованной литературы:

1. Барт Р. Основы семиологии // Структурализм: «за» и «против», М.: Прогресс, 1975. – 114-163.
2. Барт Р. Смерть автора. Пер. с фр. С.Н. Зенкина // Барт Р. Избранные работы: Семиотика: Поэтика: Пер.с фр. / Сост. общ. ред. и вступ. ст. Г.К. Косикова. – М.: Прогресс, 1989. – С. 384-391.
3. Барт Р. Удовольствие от текста // Барт Р. Избранные работы: Семиотика: Поэтика: Пер. с фр. / Сост. общ. ред. и вступ. ст. Г.К. Косикова. – М.: Прогресс, 1989. – С. 462-518.
4. Бенвенист Э. Общая лингвистика / Под. ред., с вступ. ст. и коммент. Ю.С. Степанова. М., Издательство «Прогресс», 1974. – 445 с.
5. Деррида Ж. О грамматологии / Пер. с фр. и вступ. ст. Н. Автономовой. М.: Ad Marginem, 2000. – 511с.
6. Ельмслев Л. Прологомены к теории языка. (Лингвистическое наследие XX.в.) Пер. с англ. / Сост. В.Д. Мазо. – М.: Ком. Книга, 2006. – 248 с.
7. Кириллова О.А. Стратегия переозначивания субъекта (Роман Дж. Фаулза «Женщина французского лейтенанта» в перспективе лакановского психоанализа). Автореф. дис.канд. философ. наук. – Киев, 2005. – 18 с.
8. Кристева Ю. Избранные труды: Разрушение поэтики. М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2004. – 656 с.
9. Культурология. XX в. Спб., 1997. – 588 с.
10. Кюглер Поль. Алхимия дискурса. Образ, звук и психическое / Пер.с англ. – М.: ПЕР СЭ, 2005. – 223 с.
11. Леви-Стросс К. Структурная антропология / Пер. с фр. ред. Вяч.Вс. Иванов, – М., 1985. – 535 с.
12. Маньковская Н.Б. Париж со змеями. (Введение в эстетику постмодернизма). – М., 1994. – 220 с.
13. Соссюр Ф. де. Курс общей лингвистики / Пер. с фр. А.М. Сухотина; научн. ред. пер. предисл. и прим. Н.А. Слюсаревой; послесл. Р. Энглера (пер. с фр. – Б.Л.Нарумов). М.: «Логос», 1998. – 235 с.
14. Якобсон Р. Избранные работы. М., Прогресс, 1985. – 453 с.

Статья рекомендована к публикации 07.04.08